

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РОССИИ И МИРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА И НАСЕЛЕНИЯ

Мытенков С.С.⁵³, Желенков Б.А.⁵⁴

В работе рассматриваются наиболее успешные модели зарубежной цифровизации для определения её основных трендов. В частности, будут разобраны кейсы США, Японии и Швеции. Акцент будет делаться на том, как цифровизация проходит внутри частного сектора, государства и среди населения. Затем через выделенные тренды рассматривается кейс российской модели цифровизации через выделение основных векторов её развития и контекстуальных особенностей, оказывающих как положительное, так и негативное влияние на неё.

Ключевые слова:

Цифровизация, модель цифровизации в США, модель цифровизации в Японии, модель цифровизации в Швеции, модель цифровизации в России, стартапы, лоббизм, крупные цифровые компании.

---

⁵³ **Мытенков Сергей Сергеевич** - вице-президент РСПП, старший преподаватель кафедры теории и практики взаимодействия бизнеса и власти НИУ ВШЭ.

⁵⁴ **Желенков Богдан Алексеевич** - студент 3 курса образовательной программы «Политология. + 7 914 175 11 00, bgelenkov@mail.ru

Введение

В настоящее время создание цифровой инфраструктуры является одним из наиболее актуальных вопросов для дальнейшего развития общества. Цифровизация с одной стороны позволяет повысить эффективность работы частной организации, стимулируя создание инновационных технологий, а с другой стороны формирует продукты, которые становятся одними из самых востребованных предметов потребления, создавая уникальные возможности для повышения уровня жизни всего населения. Она позволяет освободиться от физического труда, обучаться и работать вне зависимости от места жительства и быть информационно осведомленным о наиболее важных событиях, касающихся как всего мира, так и отдельно взятого человека. Государство, в свою очередь, также видоизменяется под воздействием данного процесса. Вырабатываются решения по проблемам, связанным с бюрократией, упрощается коммуникация между гражданами и государственными институтами, формируется концепт электронного правительства. В подобном триединстве заинтересованности в проведении цифровизации со стороны населения, государства и частного сектора видится основная **актуальность** подобной работы. Уже сейчас в крупнейших деловых объединениях России сформированы специальные департаменты, занимающиеся цифровизацией, со стороны государства реализуются национальные программы и проекты, связанные с построением цифровой экономики, а большинство населения активно приветствует и поддерживает инновации в цифровой среде.

Тем не менее, в данном взаимодействии рождается и немало **проблем**. Так, ключевым противоречием во взаимодействии государства, бизнеса и населения является его уникальный для международного опыта характер, который несёт как преимущества, так и недочёты. В случае России речь идёт о цифровизации с

опорой на государственные корпорации с повышенной ролью государства в данном процессе. В свою очередь, западная модель цифровизации предполагает преобладание частных инвестиций и развитие процессов цифровизации главным образом через частный сектор [1, с. 143]. В связи с этим главной **целью** данной работы будет установление того, каким образом строится взаимодействие населения, государства и бизнеса в рамках российской модели цифровизации.

Задачи исследования:

- Рассмотреть наиболее успешные кейсы зарубежного опыта цифровизации для формирования общих трендов в рамках мирового цифрового развития.
- Охарактеризовать российскую модель цифровизации, выделив её основные отличия от зарубежных моделей.
- Рассмотреть контекстуальные особенности российской модели цифровизации для формирования прогноза её дальнейшего развития.

1. Зарубежные модели цифровизации

Для определения основных векторов цифровизации за границей стоит рассмотреть несколько наиболее успешных стран в данной области. О лидерах в сфере цифровизации можно судить на основании различных рейтингов. Так, рейтинг цифровизации АНО «Диалог» ориентирован на общий уровень цифровизации среди населения [2]. Рейтинг цифровой конкурентоспособности IMD рассматривает уже экономический аспект цифровизации [3]. А рейтинг электронного правительства OECD направлен на определение политической цифровизации [4]. Так из данных рейтингов, охватывающих трёх аспектов рассмотрение цифровизации, можно выделить несколько мировых лидеров в области цифровизации. Таковыми можно назвать Японию, США и Швецию. Данные страны также можно назвать представителями наиболее развитых в плане цифровизации регионов. Япония представляет азиатский регион во главе с

«азиатскими тиграми» – именно на её экономическое развитие в последующем опирались такие страны, как Южная Корея, Сингапур и др. США представляет западный регион скорее не по положению, а по идейной наполненности – опираясь на экономическое развитие данной страны сформировалось большинство цифровых экономик старого света в том формате, в котором мы их знаем сейчас. Швеция, в свою очередь, является лидером в скандинавском регионе – самобытным и одним из самых быстро развивающихся. Именно из-за своей самобытности и во многом уникальности считаем, что представленный регион можно рассмотреть в отдельности от остальной континентальной Европы.

1.1. Американская модель цифровизации

Американская цифровизация имеет продолжительную историю развития, однако одним из главных всплесков цифрового развития можно считать середину 1970-х гг., когда в Америке начинают появляться крупнейшие IT-гиганты современности: Apple, Microsoft и др. Вторым важным событием стало появление новых интернет-гигантов на рубеже веков: Google, Meta и др. Именно подобные крупные компании, задающие во многом тренды мировой цифровизации, стали ключевыми двигателями цифрового развития в Соединённых Штатах [5, с. 115-116].

Однако наряду с крупными компаниями в США хорошо развит институт стартапов – своеобразная разновидность малого бизнеса, отличающаяся стремлением к выработке инновационных решений, более глобальным планом дальнейшего развития и более осторожным подходом к источнику финансирования. Стартапы в большинстве своём развиваются на базе частных, а не государственных инвестиций, поэтому их финансированием часто могут заниматься крупные интернет-компании. Например, крупнейшие IT-компании США второго поколения, занимающиеся в настоящее

время цифровизацией, выросли именно из стартапов (Meta, Google и пр.). В то же время успешный стартап в существующих реалиях быстро становится частью более крупной компании, которая выкупает его и продолжает развивать его в рамках своей цифровой экосистемы. Самыми известными примерами здесь могут служить YouTube и Instagram, которые на взлёте популярности купили две крупные компании – Google и Meta. Кроме того, именно в США находится один из крупнейших «инкубаторов» высокотехнологичных компаний – Кремниевая долина, своеобразный центр большинства инновационных проектов.

Однако сильный частный сектор, способствующий ускоренной цифровизации, не лишает США проблем. Например, население имеет широкий доступ к цифровым ресурсам далеко не во всех штатах – присутствует проблема цифрового неравенства, которая наиболее заметна в сельской местности. Здесь сказывается особенность страны, которая обладает большим населением и территорией, нежели Швеция и Япония, которые будут рассмотрены ниже. Это значительно усложняет совершенствование уровня цифровизации. Также проблемой можно считать некоторую цифровую отстраненность государства, которое отстает по темпам цифровизации от частного сектора. На это влияет, в частности, проблемы с налоговыми поступлениями в бюджет, которые власти США не желают увеличивать. Пожалуй, наиболее важной программой последних лет, которая охватывает сферу ИКТ в области государственной инфраструктуры, можно считать программу «Национальная сеть инноваций в области производственных технологий», принятую ещё в 2013 г. [5, с. 115-116]. Также стоит отметить, что в США широко распространена практика как официального, так и теневого лоббизма, позволяющая воздействовать частному сектору на те или иные политические

решения без значительной помощи со стороны государства.

В результате стоит отметить, что цифровая экономика США во многом завязана на частном секторе. Являясь первопроходцами в построении цифровой экономики, Соединенные Штаты сформировали многие тренды цифровизации и её общие направления. Тем не менее, проблемы цифровизации в отношении государства и населения говорят о том, что хотя американская модель и является успешной, идеальной её назвать нельзя.

1.2. Японская модель цифровизации

В Японии отдельные элементы цифровизации начали зарождаться после Второй Мировой войны. Потерпев тяжёлое поражение в войне, Япония сменила вектор развития своей экономики в сторону инноваций и развития науки. Здесь можно выделить несколько этапов. Во-первых, это японское экономическое чудо (середина 1950-х – середина 1970-х гг.), характеризующееся высокой экономией средств и ориентацией на энергоносители. Во-вторых, начавшаяся в 1980-х гг. ориентация на научно-технический прогресс. Множество лабораторий и исследовательских центров, большинство из которых финансировались частным сектором, сделали Японию одним из самых технологически развитых государств [6, с. 234]. Конечно, на это повлияли и социально-демографические особенности, в частности высокий уровень урбанизации – около 90% японцев проживает в городах [7].

Постепенно ориентация на научно-технический прогресс вылилась и в полноценный план по цифровизации страны. В Японии он называется «Общество 5.0». Данная концепция разработана в основном крупным бизнесом и нацелена на построение системы, основанной на следующих инновациях: большие данные, искусственный интеллект, дополненная реальность. При этом цифровизации в интересах населения в данной концепции

уделено крайне много внимания – ключевой целью подобного проекта является сделать жизнь человека в современном мире максимально комфортной [8]. Также в концепции упоминается пять стен – препятствий на пути к осуществлению проекта. Некоторые стены напрямую отсылают к государственным институтам, что позволяет сделать вывод о том, что японский проект подразумевает серьёзное видоизменение в отношении государства, бюрократические институты которого стоит либо масштабно реформировать, либо вовсе упразднить [9].

Если же абстрагироваться от будущих планов Японии и взглянуть на существующую ситуацию с цифровизацией, то можно заметить, что цифровое развитие страны восходящего солнца строится на тесном взаимодействии бизнеса и государства. Главным инициатором инноваций в этом плане выступает бизнес, а государство играет роль хранителя традиций, отвечая за обеспечение стабильности и постепенности вносимых изменений. Их взаимодействие строится на характерных для Японии принципах «теневых отношений» и «кодекса чести», так как в данной стране отсутствует законодательство, напрямую регулирующее лоббистскую деятельность. В то же время в стране хорошо развита культура лоббизма, основывающаяся на некорпоративной доктрине и предполагающая большое влияние крупных компаний на принятие решений в определённых сегментах экономики – в том числе и цифровом секторе [10, с. 12]. Ранее в Японии даже существовали депутатские кланы, являющиеся специализированными объединениями по продвижению интересов японских предпринимателей. Что касается малого и среднего бизнеса Японии, то он играет достаточно важную роль в экономике, занимая весомую часть ВВП страны [11]. Это способствует и активному развитию института стартапа – одного из главных проводников цифровых изменений во всём

мире. Тем не менее, экосистема стартапов в Японии только продолжает развиваться и ещё достаточно далеко стоит от примеров Кремниевой долины или Стокгольма. Главными достижениями на данном поприще можно считать сервис, связанный с прогнозом лечения болезней, – CureApp и приложение по онлайн-знакомствам EveEve. При этом в отношении цифровизации среди населения наблюдается несколько проблем. Во-первых, это проблема «цифрового доверия», которая во многом связана с японским традиционализмом и преобладанием старшего поколения на большинстве руководящих постов. Во-вторых, это «цифровой разрыв», характеризующийся трудностью восприятия цифровых технологий со стороны старшего поколения [12].

В результате можно говорить о том, что японская модель цифровизации далеко не идеальна. Основным препятствием зачастую выступают традиции «страны восходящего солнца», которые замедляют цифровое развитие среди населения и в государственных структурах. При этом частный сектор активно развивается и играет роль главного двигателя цифрового развития страны. Основная роль в этом плане принадлежит крупным компаниям, тогда как институт малого бизнеса в лице стартапов только формируется. Ситуация усугубляется и тем, что на пути частного сектора также стоят многочисленные традиции, не допускающие перенесение диалога между государством и бизнесом в легальную сферу.

1.3. Шведская модель цифровизации

В Швеции, как и в Скандинавском регионе в целом, присутствует своя специфика цифрового развития. После войны в шведской экономике доминировало два главных принципа: полная занятость и выравнивание доходов [13]. Подобные постулаты во многом обосновывались общей концепцией скандинавской модели, основывающейся на социально-демократических идеях.

Главными тут являются принцип государства всеобщего благоденствия и первоочередная ориентация на заботу о человеческом капитале. Важными факторами в этом контексте выступает политический нейтралитет Швеции, минимизировавший её экономические потери во время Второй мировой войны, а также отлаженная система профсоюзов – около 70% работников состоят в профсоюзных объединениях [14, . 58–59].

Что касается цифровизации, то данный регион можно назвать пионерами в развитии цифровой экономики – уже в 1990-е гг. в Скандинавии начали образовываться первые проекты, связанные с цифровизацией. Важно отметить, что в рассматриваемом регионе более заметна роль государства, которое с 2000-х гг. формирует различные программы, способствующие дальнейшей цифровизации. Например, именно в Швеции впервые появились идеи по созданию цифровой структуры: цифровое здравоохранение, электронные налоговые декларации и т.д.

Бизнес также играет важную роль в процессе цифровизации, а в частности, крупный бизнес. Практически у каждого большого предприятия в Швеции есть свой исследовательский центр, ориентированный на внедрение различных инноваций в процесс производства товара [15, с. 3–5]. При этом в Швеции нет законодательства, регулирующего лоббистскую деятельность, что делает лоббизм во многом теневым явлением. Также лоббизм в большинстве своём негативно воспринимается населением, что возводит определенный барьер для его выведения в легальное поле [16, с. 124–125]. Тем не менее, в Швеции не развита коррупция – по индексу Трансперенси страна является одним из лидеров в отношении отсутствия коррупционной деятельности [17]. Это в свою очередь может говорить о весьма высокой, хотя и теневой культуре лоббизма.

Также в Швеции активно формируется институт стартапов –

Стокгольм является вторым самым привлекательным для IT-компаний местом после Кремниевой долины. Именно здесь сформировались такие цифровые продукты, как Spotify и Skype. Однако на успешность шведской цифровизации также повлияли социально-демографические характеристики – высокий уровень образования и урбанизации [15, с. 3–5]. Подобные входные данные, в свою очередь, создают условия для ускоренного внедрения цифровых технологий. При этом сами граждане, участвующие в профсоюзах, имеют возможность воздействовать на принятие тех или иных решений по цифровому развитию, как в отдельных IT-компаниях, так и в государстве в целом.

В результате можно констатировать, что в шведской модели цифровизации руководящая роль принадлежит государству, которое выступает главным медиатором данного процесса. При этом население и бизнес также активно вовлекаются в осуществление процесса цифровизации. В качестве потенциальной проблемы можно отметить некоторую зависимость частного сектора от государства, из-за преобладающей роли государства и отсутствия законодательства о лоббизме.

1.4. Общие черты рассмотренных моделей цифровизации

Если выделять общие черты цифровизации среди западных стран, то можно заметить, что крупный бизнес (в частности, крупные IT-компании) зачастую являются одним из главных двигателей цифровых преобразований, обладая при этом относительной свободой и возможностью воздействовать на государство. Например, первая поправка о свободе слова в Конституции США защищает большинство интернет-компаний от давления со стороны государства [18]. В Японии крупные компании практически самостоятельно формируют проекты по цифровому развитию страны. А в Швеции, хотя государство и играет большую роль в

продвижении цифровых технологий, именно принцип невмешательства и активного роста цифровых компаний позволяет крупным игрокам на цифровом рынке чувствовать себя комфортно. В результате можно говорить, о том, что во всех рассмотренных кейсах, хотя лоббизм и не закреплен на законодательном уровне, крупные IT-компании обладают достаточными возможностями, чтобы продвигать свои интересы и влиять на решения, принимаемые государством в отношении цифровизации.

Другим важным аспектом является активное развитие стартапов, как начальных элементов цифровизации, позволяющих постоянно привносить инновации в существующие процессы. Безусловным лидером тут выступают Соединенные Штаты Америки, однако и шведские, и японские стартапы также набирают обороты и в перспективе смогут наравне соперничать с американской моделью. Одновременно угрозой и преимуществом в контексте существования стартапов можно считать их итоговую покупку более крупной цифровой компанией. С одной стороны стартапы часто продолжают развитие в рамках подготовленной экосистемы, получают больше финансирования и становятся лучше, а с другой стороны подобная практика приводит к тому, что рынок цифровых технологий постепенно приобретает черты олигополистической конкуренции, где лишь несколько крупных интернет-компаний соперничают друг с другом.

Из этого во многом вытекает и следующий аспект, который стоит рассмотреть в рамках сопоставления различных моделей цифровизации. В существующих интернет-компаниях можно увидеть не просто влиятельных игроков на рынке, но полноценных властных акторов, которые обладают огромными возможностями в реализации своих властных потенциалов. О первом лице власти среди крупных IT-компаний, заключающемся в возможности оказывать влияние на принятие решений, говорит,

например, исследование CFA Institute 2016 г., которое показывает, что компания Google занималась активным лоббизмом, как в Европейском Союзе, так и в США [19]. Это уже не столько локальное воздействие на конкретные институты в конкретном городе, сколько влияние на мировую политику в целом. При этом в большинстве своём подобное отстаивание своих интересов IT-гигантами завязано на сохранении своих позиций и обходе антимонопольного законодательства. Подобные действия уже отображают второй лик власти, связанный с влиянием на процесс принятия решений [20, с. 947-948]. Наконец из-за того, что в настоящее время наибольшая концентрация информации расположена в Интернете, интернет-компании обладают и третьим ликом власти, позволяющим сформировать определенное мировоззрение, на основании которого будут приниматься дальнейшие решения, как со стороны государственных органов, так и со стороны отдельных групп интересов. Таким образом, можно заметить, что в рамках такого подхода интернет-компании и крупный бизнес в целом являются весьма значимым политическим актором, которые оказывают влияние на мировую политику в целом. Государству уже сейчас приходится считаться с интересами крупных интернет-компаний, однако, подобное сотрудничество выгодно и самому государству, по-прежнему играющему охранительную роль. Для государственных институтов интернет-компании представляют особую ценность из-за наличия у них большого объёма данных пользователей, которые могут использоваться для совершенствования инструментов подконтрольности отдельных сегментов Интернета. В частности, подобные данные могут использоваться для обеспечения безопасности государства от террористических атак или иных проявлений насильственной деятельности. При этом стоит отметить, что подобная идея наличия у IT-гигантов трёх ликов

власти может быть выдвинута на данном этапе лишь в виде гипотезы, так как для более конкретного анализа данного проблемного поля требуется полноценное исследование.

Наконец одним из важнейших факторов являются характеристики населения. Более всего это заметно в отношении Швеции и Японии, где географические особенности способствуют тому, что население проживает в основном в городах. Высокий уровень урбанизации в свою очередь способствует высокому уровню образования среди населения, что значительно ускоряет цифровизацию. США - более разнообразная страна по социально-демографическим характеристикам, однако акцент на качество образования также формирует одну из самых влиятельных цифровых экономик в мире. В этом смысле можно заметить, что образование и урбанизация также играют весомую роль в проведении цифровизации.

В результате можно выделить несколько общих аспектов, которые объединяют рассмотренных лидеров мировой цифровизации:

- Наличие рычагов влияния на государство. Лоббизм не обязательно должен быть легализован законодательно, однако возможность продвижения своих интересов способствует формированию по-настоящему сильных IT-компаний, которые могут повлиять на принятие или непринятие того или иного закона, который может улучшить или ухудшить дальнейшее цифровое развитие страны.

- Наличие институтов стартапа. Они необходимы, так как позволяют внедрять инновации с низов - представляются в виде интерпретации малого и среднего бизнеса в рамках инновационной экономики.

- Сильные позиции крупных IT-компаний помогают успешному проведению цифровизации, так как она находится непосредственно в сфере их интересов. Упомянутая раннее возможность влияния на принятие / непринятие решений способствует

формированию отдельного цифрового сектора, обладающего определенными властными возможностями.

- Высокий уровень образования у населения также оказывает влияние на успех цифровизации. Создание и использование цифровых продуктов требует определённых навыков, которые крайне трудно приобрести без налаженной системы образования.

2. Российская модель цифровизации

Что касается цифрового развития России, то тут во многом определяющими являются события 1991 г. когда сфере ИКТ, как и многим другим сферам, начали уделять гораздо меньше времени, а советские наработки в этой сфере, потеряв государственную поддержку, канули в лету. Возобновление интереса к сфере ИКТ в России формируется уже после 2000-х гг., когда запускается федеральная целевая программа «Электронная Россия». Основными целями данной программы стало формирование электронного правительства и перевод в цифровой формат взаимодействия граждан и государства. Проект оказался неудачным – большинство средств, выделенных на него, так и не были реализованы, а цели так и не выполнены [21]. Тем не менее, начало 2000-х гг. ознаменовалось не только провалами. Именно в данное время формируются крупнейшие IT-компании России настоящего времени: Яндекс и Mail. Тем не менее, полноценным началом возобновления дискуссий о цифровизации в России можно считать 2016 г., когда Владимир Путин поручил кабинету министров сформировать программу «Цифровая экономика», представленную в 2018 г.

Её направления можно разбить на несколько групп. Во-первых, создание условий для эффективной цифровизации частного сектора. В данную группу можно отнести следующие направления: нормативное регулирование цифровой среды, которое позволит убрать законодательные ограничения для бизнеса, занимающимся развитием IT-

отрасли; кадры для цифровой экономики – обеспечение доступности образования в сфере информатики и математики на всех уровнях обучения; цифровые технологии – создание условий для формирования стартапов на территории РФ; поддержка крупных IT-компаний.

Во-вторых, создание условий для расширения доступа к цифровым технологиям у населения. Сюда можно отнести: информационную инфраструктуру – перевод в Интернет ключевых социально-значимых организаций на территории РФ; обеспечение доступа в Интернет при помощи спутниковой связи – повсеместное расширение Интернета, возможность подключиться даже в труднодоступных местах.

В-третьих, формирование «электронного правительства»: цифровое государственное управление - увеличение социально значимых услуг, которые можно получить через Интернет; цифровые услуги и сервисы онлайн. Данное направление завязано на трёх целях - формировании цифрового профиля гражданина, госуслуги онлайн и электронный документооборот.

В-четвёртых, глобальные направления, охватывающие цифровизацию в целом: информационная безопасность – обеспечение информационной безопасности для существующей цифровой инфраструктуры среди государственных органов, населения и государственных институтов; искусственный интеллект – развитие или создание отечественных продуктов, связанных с искусственным интеллектом [22].

2.1. Отличия российской модели цифровизации от западных моделей

Из рассмотренной программы, можно заметить, что вектор развития российской цифровизации во многом похож на западные модели и более всего на шведский вариант. Государство также пытается создать условия для цифровизации и определяет основной

вектор её развития. Однако в данном случае стоит учесть, что, российский кейс обладает своей спецификой, отличающей её не только от шведской, но и от других рассмотренных моделей.

Во-первых, социально-демографические характеристики российского населения кардинально отличны от социально-демографического состояния Швеции и Японии. В России наблюдается гораздо меньший уровень урбанизации. При этом российское образование в сфере математики и IT, хотя и высоко котируется на мировом рынке, находится не на самых высоких местах в международных рейтингах университетов, уступая рассмотренным странам. Например, в авторитетном рейтинге QS в дисциплине, связанной с программированием, первый российский университет можно увидеть только на 62-м месте, а по математике - на 40-м [23]. Кроме того, важно отметить, что ежегодная миграция из России увеличивается, начиная с 2012 г., что также ведёт к потере грамотных специалистов [24].

Во-вторых, российский неокорпоративизм отличается особой «мягкостью» - корпорации институционально слабы, а общество атомизировано [25, с. 94-96]. Это обосновано во многом тем, что российские корпорации не имеют определяющего влияния на политику - большинство из них так или иначе завязаны с государственными институтами. Они не отражают каких-то конкретных идеологических течений и во многом просто заполняют идейное пространство, не разбивая общество на определённые сегменты. Ещё одной причиной слабости неокорпоративных практик в России является слабость профсоюзов - немногочисленные объединения заведомо лояльны властям или работодателям, не формируя никаких низовых инициатив.

В-третьих, в России нет законодательства, регулирующего лоббистскую деятельность. Это приводит к тому, что она находится в «серой» зоне для законодательства и соответственно

институционально слаба. Такое можно сказать и о Японии со Швецией, однако в данных странах присутствует налаженная культура лоббизма. В России лоббизм, как общепринятый механизм взаимодействия государства и различных групп интересов, начал оформляться только после 1991 г., достигнув пика к середине 2000-х гг., когда в России появились транснациональные компании, привыкшие вести коммуникацию с государством по продвижению своих интересов, а также оформился собственный частный сектор [26, с. 155-158]. Тем не менее, теневая лоббистская деятельность приобрела в России коррупционный характер. Если взглянуть на рейтинг восприятия коррупции 2021 г., представленный компанией «Трансперенси», Россия находится на 136-м месте, тогда как те же Япония и Швеция, в которой также отсутствует легализация лоббистской деятельности, занимают 20-е и 6-е место соответственно [17].

В-четвёртых, российский рынок стартапов находится в начальной стадии развития в отличие от рассмотренных выше стран. Большинство российских стартапов создаёт инновационные продукты для более крупных компаний в сфере B2B [27, с. 66-70]. При этом государство активно пытается поддерживать молодые инновационные компании и развивать экосистему для стартапов. Ещё в 2005 г. министерством экономического развития была запущена программа по поддержке небольших компаний, занимающихся разработками инновационных продуктов. Сейчас министерство экономического развития предоставило уже новый план поддержки технологических стартапов: поддержка планируется осуществляться на каждом из этапов - от идеи до публичной продажи акций [28].

2.3. Контекстуальные особенности российского пути цифровизации

Стоит отметить, что за последние несколько лет процесс цифровизации в России значительно видоизменился. В

частности, на это повлияло два крупных события, которые оказали значительное влияние на имеющуюся модель цифровизации. Прежде всего, речь идёт о коронавирусной инфекции, которая охватила практически весь мир в 2019 г. Массовые карантинные и изоляционные меры по всему миру, хотя и нанесли большой удар мировой экономике, способствовали развитию цифровых ресурсов. В короткий промежуток времени появилось или улучшилось множество цифровых продуктов, позволявших организовывать работу в онлайн-формате, доставлять еду и любые предметы быта, получать образование, не выходя из дома. Если говорить об изменениях более конкретно, то стоит обратиться к отчёту цифрового развития времён пандемии Счётной палаты. В нём можно заметить следующие особенности изменения цифровизации в России и мире. Во-первых, резко возрос спрос на электронные продажи, что способствует цифровизации малого и среднего бизнеса. В России, однако, подобная цифровизация чаще всего воплощается в электронной торговле через онлайн-площадки (Ozon, Wildberries) или социальные сети (Instagram, VK). Во-вторых, особый спрос приобретают различные стриминговые сервисы по типу Netflix, YouTube и т.д. Российскую альтернативу в основном воплощают части большой экосистемы крупных компаний – например, Кинопоиск (Яндекс), ОККО (Сбербанк) и т.д. В-третьих, возросло количество людей, учащихся и работающих удалённо. Онлайн стал уже полноценным и общепризнанным способом взаимодействия с аудиторией и работниками. Самыми популярными программами этого времени стали Zoom, MS Teams и т.п. Массового российского аналога так и не было разработано, однако среди крупных компаний есть локальные сервисы для видеоконференций – например, СберМитап [29]. В результате можно констатировать, что цифровизация в России во время коронавируса шагнула вперёд, и подобный шаг был спровоцирован во многом не государством,

а частным сектором. В большинстве своём это были крупные корпорации, однако и малый / средний бизнес вынужден был подстроиться под меняющиеся условия, тем самым оживив своё производство. По итогу своеобразную «шоковую терапию», вызванную коронавирусной инфекцией, можно считать успешной для цифровизации страны.

Однако если коронавирусная инфекция повлияла на цифровизацию практически во всём мире, то начало военной спецоперации на Украине 24 февраля 2022 г. и последовавшие санкции в отношении цифрового развития затрагивают более всего именно Россию. Оценивать данное событие с точки зрения влияния на российскую цифровизацию достаточно сложно, так как с одной стороны санкции, введённые против России, изолируют её от большинства инновационных продуктов западных стран. Но с другой стороны, своеобразная изоляция способствует разработке собственных инновационных продуктов. К тому же для объективной оценки происходящих событий прошло пока слишком мало времени. На данный момент можно лишь описать некоторые кейсы, которые в перспективе могут оказать наибольшее влияние на цифровизацию в России:

1. Блокировка сервисов Meta на территории РФ является одним из самых вызывающих и ярких сценариев конфликта. Ключевой причиной является их популярность – например, до блокировки Instagram был второй самой популярной социальной сетью в России [30]. Тот же Twitter, который также подвергся блокировке, пользовался гораздо меньшей популярностью в России. Уже сейчас данный кейс демонстрирует усиление позиций российских социальных сетей (VK, Одноклассники, Телеграмм), однако пока полноценной замены Инстаграму, выступающему в качестве не только социальной сети, но и весомой маркетинговой площадки, так и не было найдено.

2. Уход компании Microsoft с рынка. Компания Microsoft ушла с российского рынка 4 марта 2022 г. Каких-либо конфликтов с российским законодательством у неё не было, однако была чёткая позиция по вопросу событий на Украине. В отличие от многих компаний, которые объявили об уходе с российского рынка, не дав подробных комментариев, представители Microsoft резко высказались против действий российских властей и даже предложили помощь в формировании информационной безопасности Украины. Более конкретные санкции коснулись, например, отключения русского языка в мобильном приложении Microsoft Office. При этом представители компании заявили, что продолжают работать с российскими компаниями, которые не попали под западные санкции. Программное обеспечение Microsoft наиболее распространено на территории РФ и полностью заменить его в обозримом будущем не получится. Возможна замена только отдельных его элементов – например, почты.

3. Возможная блокировка YouTube. Большинство претензий, касающихся деятельности YouTube, связаны с блокировкой видеохостингом видеороликов или каналов российских СМИ. Одним из последних громких скандалов является блокировка подразделения канала RT в Германии в декабре 2021 г. Тогда в качестве причины видеохостинг указал публикацию ложных сведений о ковиде, а также проблемы с регистрацией СМИ. При этом канал, несмотря на предупреждение Роскомнадзора о возможной блокировке видеохостинга на территории РФ, так и не был разблокирован. Ответным шагом в итоге стала блокировка немецкого Deutsche Welle. После начала событий на Украине разговоры о возможной блокировке YouTube возобновились – причиной послужила блокировка ряда российских телеканалов за «распространение пропагандисткой информации». Однако на данный момент

главным ограничением на YouTube и компанию Google в целом является запрет на распространение рекламы и маркирование сервисов компании. В настоящий момент количество пользователей YouTube в России составляет около 40 000 000 человек, что также делает проблемной ситуацию с блокировкой. Российский аналог Rutube пока не выдержал полноценной конкуренции – ни по аудиторному охвату, ни по безопасности самого сайта [31].

Подводя итог, можно сказать, что коронавирус скорее положительно сказался на цифровом развитии России, принудительно ускорив переход множества компаний в цифровой сегмент, а также сформировав новые инновационные продукты. Военная спецоперация на Украине ставит российскую цифровизацию в похожую ситуацию. Однако рассмотренные кейсы позволяют говорить о том, что пока она играет скорее во вред, нежели на пользу. Конкурентоспособных аналогов западным продуктам в большинстве своём пока так и не было выработано.

2.4. Российская модель цифровизации – предварительные выводы

Обобщая рассмотренную специфику российской цифровизации и контекстуальные особенности, можно выделить следующие преимущества и недостатки.

Основными преимуществами российского подхода стали:

- Усиленная цифровизация государственных институтов и разработка концепции электронного правительства (Госуслуги, ЕМИАС и т.д.).
- Создание цифровой инфраструктуры для населения (быстрая мобильная связь, введение инноваций в реальную жизнь граждан и т.п.)
- Наличие официальной государственной программы по планированию цифрового развития и поддержке IT-компаний, а также

государственное финансирование различных проектов, связанных с цифровизацией.

При этом ориентация на государственный сектор и крупные корпорации, которые зачастую напрямую связаны с государством, вызывает ряд трудностей:

- Несовершенство экосистемы для стартапов, как основных сподвижников инновационной экономики. На это оказывает влияние комплекс факторов, один из которых - преобладание государственных, а не частных инвестиций.
- Ориентация на государственный сектор и общая подотчётность цифровизации снижает свободу в принятии и разнообразии решений.
- Проблемы во взаимодействии государства с малым и средним бизнесом. Несмотря на существующие программы, стимулирующие процесс цифровизации в данном секторе экономики, по-прежнему существует законодательные и административные преграды для малого и среднего бизнеса.
- Отсутствие законодательного закрепления лоббистской деятельности, стимулирующее развитие коррупции на всех уровнях власти.
- Слабый неокорпоративизм, ведущий к централизации в принятии решений, касающихся цифровизации и не способствующий формированию полноценной конкуренции.

Заключение

Подводя итог анализа, можно сказать, что зарубежные модели

цифровизации значительно отличаются от российской. При этом они имеют отличия и между собой. Так, например, в Швеции акцент делается сразу на цифровое развитие государства, частного сектора и общества, в США заметно вперёд вырвался частный сектор, а в Японии преобладает цифровое развитие населения и бизнеса. При этом среди рассмотренных кейсов можно выделить и общие черты. Так в рассмотренных странах, достаточно сильны крупные IT-компании, население сосредотачивается в городах, а образование находится на крайне высоком уровне, налажены механизмы часто пусть и теневого лоббизма, а стартапы, как одни из основных двигателей цифрового прогресса, активно развиваются уже на протяжении нескольких лет или даже десятилетий. Российская программа цифровизации сочетает в себе цифровое развитие и государственных институтов, и населения, и частного сектора. Однако в реальности российская модель сталкивается с множеством проблем. Например, мягкий характер неокорпоративизма, непроработанные механизмы лоббирования, только зарождающаяся экосистема стартапов. Главная роль в совершенствовании цифрового прогресса принадлежит государству, которое добилось немалых успехов на этом поприще, самым значительным из которых является сервис «Государственные услуги». Будучи медиатором цифрового развития, государство пытается включить в эту сферу и частный сектор. Однако сформированные ранее самим государством механизмы, ограничивающие коммуникацию с бизнесом на равных, не позволяют в короткие сроки реализовать программу по цифровому развитию России. При этом для населения цифровое развитие реализуется вполне успешно – в данный момент Интернет в России является одним из самых быстрых и дешёвых в мире. Тем не менее, контекстуальные особенности российской модели цифровизации налагают ряд ограничений на будущее

цифровое развитие в стране (в частности, речь идёт о военной спецоперации на территории Украины). Суммируя, можно сказать, что «подконтрольный» характер цифрового развития способствует ускоренному развитию цифровизации в социальной сфере, но в то же время мешает развитию цифровизации малого и среднего бизнеса, что в итоге может привести к половинчатому характеру данного процесса, когда цифровизация консервируется в рамках государственных институтов и государственных корпорациях.

Список использованной литературы и источников:

1. Суртаева О.С. Цифровизация в системе инновационных стратегий в социально-экономической сфере и промышленном производстве: монография. М.: Дашков и К, 2021. 154. с.

2. Россия заняла 27-е место в рейтинге стран по цифровизации URL: <https://dialog.info/rossiya-zanyala-27-e-mesto-v-rejtinge-stran-po-cifrovizacii/> (Дата обращения: 30.01.2022г.)

3. Мировой рейтинг цифровой конкурентоспособности URL: <https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-digital-competitiveness/> (Дата обращения: 30.01.2022г.)

4. Индекс цифрового государства URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government-index-4de9f5bb-en.htm> (Дата обращения: 30.01.2022г.)

5. Положихина М.А. Национальные модели цифровой экономики // ЭСПР. 2018. № 1. С. 111-154.

6. Николаев А.В. Японская экономика: некоторые характерные черты и показатели // Экономический журнал. 2006. № 13. С. 231-238.

7. Рейтинг стран мира по уровню урбанизации URL: <https://gtmarket.ru/ratings/urbanization-index>. (Дата обращения: 20.05.2022г.)

8. Стратегия «Общество 5.0» URL: [https://iz.ru/630395/tcifrovaia-](https://iz.ru/630395/tcifrovaia-ekonomika-opyt-iaponii)

[ekonomika-opyt-iaponii](https://iz.ru/630395/tcifrovaia-ekonomika-opyt-iaponii). (Дата обращения: 30.01.2022г.)

9. Report on the 5th Science and Technology Basic Plan URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en.pdf (Дата обращения: 30.01.2022г.)

10. Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и Японии // Международные процессы. 2010. Т. 8, № 2(23). С. 100-111.

11. 2019 White paper on small and medium enterprises in Japan URL: https://www.chusho.meti.go.jp/pamfle t/hakusyoy/2019/PDF/2019hakusyosummary_eng.pdf (Дата обращения: 30.04.2022г.)

12. Костюкова К.С. Цифровизация экономики Японии на примере банковского сектора: текущие результаты, перспективы и проблемы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. № 4. С. 434-449.

13. Волков А.М. Эволюция шведской модели URL: <https://mirec.mgimo.ru/2007/2007-01/evolyuciya-shvedskoj-modeli> (Дата обращения: 20.05.2022г.)

14. Горохова В.Б. Регулирование социально-трудовых отношений в Швеции // Экономика труда. 2019. № 1. - С.57-62.

15. Демидова Е.Е. Особенности цифровизации стран Скандинавского региона // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). - С. 191-199.

16. Каневский П.С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 3. С. 121-139.

17. Corruption perceptions index URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021>. (Дата обращения: 20.05.2022г.)

18. Конституция США URL: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf> (Дата обращения: 09.04.2022г.)

19. Google's European Revolving Door // URL:

<https://www.techtransparencyproject.org/articles/googles-european-revolving-door>.

(Дата обращения: 09.04.2022г.)

20. Bachrach P., Morton S. Baratz. Two Faces of Power // The American Political Science Review. 1962 – Vol. 56, Iss. 4.

21. Электронная Россия офлайн URL:

<https://www.gazeta.ru/social/2010/03/01/3331850.shtml>. (Дата обращения: 09.04.2022г.)

22. Цифровая экономика РФ URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (Дата обращения: 20.05.2022г.)

23. QS World University Rankings by Subject 2022 URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2022/computer-science-information-systems> (Дата обращения: 20.05.2022г.)

24. Эмиграция 2000-х: куда и почему уезжали из России URL: <https://tochno.st/materials/emigratsiya-2000-kh>. (Дата обращения: 20.05.2022г.)

25. Макаренко Б.И. Неокорпоративизм в современной России // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 90-96.

26. Павроз А.В. Тенденции, проблемы и перспективы лоббизма в

России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 155-158.

27. Земцов С., Чепуренко А., Михайлов А. Вызовы пандемии для технологических стартапов в регионах России // Форсайт. 2021. Т. 15, № 4. С. 66-70.

28. Дораста до IPO URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5088607> (Дата обращения: 20.05.2022г.)

29. Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf>. (Дата обращения: 20.05.2022г.)

30. Daily users of social media before and after bans of Facebook, Instagram, and Twitter in Russia on February 24 and March 15, 2022, by selected platform URL: <https://www.statista.com/statistics/1297985/social-media-users-before-and-after-bans-russia/>. (Дата обращения: 09.04.2022г.)

Rutube отверг «мрачные прогнозы» с утерей исходного кода после взлома URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/10/05/2022/627a10239a794725a51d4dd0 (Дата обращения: 09.04.2022г.)

DIGITALIZATION IN RUSSIA AND THE WORLD THROUGH THE PRISM OF INTERACTION BETWEEN THE STATE, BUSINESS AND THE POPULATION

Sergey Mytenkov - Vice-President of the RSPP, Senior Lecturer at the Department of Theory and Practice of Interaction between Business and Government of the Higher School of Economics.

Bogdan Zhelenkov - 3rd year student of the educational program «Political Science». + 7 914 175 11 00, bgelenkov@mail.ru

The paper examines the most successful models of foreign digitalization to determine its main trends. In particular, the cases of the USA, Japan and Sweden will be analyzed. The focus will be on how digitalization takes place within the private sector, the state and among the population. Then, through the highlighted trends, the case of the Russian model of digitalization is considered by highlighting the main vectors of its development and contextual features that have both a positive and negative impact on it.

Keywords:

Digitalization, digitalization model in the USA, digitalization model in Japan, digitalization model in Sweden, digitalization model in Russia, startups, lobbying, large digital companies.